

МИЛЛИОН ДО РАССВЕТА

*look for me.
better this way.*

18+

Татьяна Шик

Миллион до рассвета

«Автор»

2026

Шик Т.

Миллион до рассвета / Т. Шик — «Автор», 2026

Она хотела миллион. Он хотел забыться. Их встреча случилась там, где океан целует небо, — и подарила им семь дней рая. Семь дней лжи, страсти и правды, которую они не осмелились произнести вслух. Она сбежала, не оставив даже настоящего имени. Он нашёл её, когда уже почти перестал искать. Но правда, которую он узнал, была страшнее снов, что преследовали его по ночам. У них был один шанс — уничтожить прошлое, которое преследовало её. Или потерять друг друга навсегда. «Миллион для рассвета» — это не книга о деньгах. Это книга о том, как трудно доверять и как страшно терять.

© Шик Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1	5
Эпизод 2.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Шик

Миллион до рассвета

Эпизод 1

Она протянула руку к пачке сигарет, оставленной на подоконнике. «Marlboro» — чужие, слишком крепкие, но других не было. Щелчок зажигалки прозвучал резко, как выстрел, — и тут же потонул в шуме прибоя. Пламя лизнуло кончик сигареты, вспыхнуло оранжевым, осветило на миг её пальцы — и погасло, оставив лишь тлеющий уголёк в темноте.

Она затаилась глубоко, с жадностью, чувствуя, как дым заполняет лёгкие, царапает горло, вырывается наружу вместе с тихим выдохом. Сигарета в её руке дрожала — или это дрожал воздух? Ночь была такой прозрачной, такой хрупкой, что казалось — если громко выдохнуть, она рассыплется на тысячи осколков, и вместе с ней рассыплется это блаженное «здесь и сейчас».

Она смотрела на океан, а он смотрел на неё — бесконечный, равнодушный, вечный. Лунная дорожка дрожала на воде, как живое серебро, разбиваясь о волны, чтобы через мгновение родиться заново. Где-то вдалеке мерцал огонёк рыбацкой лодки — одинокий, потерянный, как её собственная душа, застрявшая между двумя мирами.

«Лена», — мысленно произнесла она имя, которое носила здесь, на этом острове, в этой постели, в этих объятиях. Лена — женщина без прошлого, без долгов, без кредита на квартиру, без Виктора в тени. Лена, которая не учительница, не танцовщица, не жертва обстоятельств. Просто женщина, которую любит красивый, сильный, почти нереальный мужчина.

Эмма усмехнулась — горько, одними уголками губ. Дым выскользнул из рта и поплыл вверх, тая в лунном свете, как ложь, которую она рассказывала себе каждую ночь здесь. Лена — фантом, выдумка, имя, украденное из старого романа, которое она надела, как чужое платье, чтобы спрятать собственные шрамы. Но шрамы не исчезают от смены имени. Они живут под кожей, пульсируют в каждом ударе сердца, напоминая о том, что рай — это всего лишь пауза между кошмарами.

Она повернулась к кровати. Джейк спал, раскинувшись на простынях, — его тёмные волосы рассыпались по подушке, рука по-прежнему тянулась к пустому месту рядом. Во сне он выглядел почти мальчишеским — без этой его вечной настороженности, без холодного блеска в глазах, которым он сканировал комнату, когда был наяву. Она запомнила этот его взгляд — стальной, цепкий, как у человека, который видел смерть и всё равно идёт к ней навстречу. Но сейчас, в этой тишине, в этом солёном ветре, он был просто мужчиной, который сжимал её во сне, даже не зная её настоящего имени.

— Ты не знаешь, кто я, — прошептала она одними губами, и ветер унёс эти слова, смешав их с рокотом волн. — И никогда не узнаешь. Так будет лучше. Для тебя.

Она знала, что должна уйти. Завтра — или уже сегодня, когда небо начнёт сереть, а океан окрасится в перламутр — она проснётся с этим решением, твёрдым, как гранит. И тогда она наденет своё настоящее имя, как тяжёлую ношу, и шагнёт в ту жизнь, где её ждёт не рассвет, а бесконечная борьба за миллион, за квартиру, за право дышать свободно.

Она представила Портленд: серое утро, холодный душ, унылый кофе, поездка на школьном автобусе, тетради, стопки непроверенных сочинений, родительские собрания, фальшивые улыбки. А потом — вечер, грим, парик, чужие руки, сжигающие купюры, чек за чеком, шаг за шагом к проклятой цифре на банковском счете. Ей не хватало всего девяноста пяти тысяч — смешная сумма для тех, кто мечтает, и неподъёмная для тех, кто работает. Последний рывок, последний танец, последний унижительный подарок от очередного похотливого старика — и

она закрыла бы кредит. Запах свободы был уже почти осязаем — как запах моря здесь, на Бали, — но он так же ускользал, как вода сквозь пальцы.

А потом появился Виктор. Его лицо врезалось в память — хищное, маслянистое, с холодными глазами, в которых не было ни капли жизни. Он не хотел её денег. Он хотел её — всю, целиком, с потрохами. И когда она отказалась, он начал давить — сначала намёками, потом угрозами, потом сломанными замками и окровавленными цветами на пороге её тётки. Эмма сжала сигарету так сильно, что та сломалась, посыпав пальцы пеплом. Она стряхнула его, не замечая, как обожгла кожу.

— Я здесь, чтобы выжить, — сказала она себе, глядя в тёмную воду. — Не чтобы жить. Я здесь, потому что бежать — единственное, что я умею хорошо.

Но взгляд её снова упал на Джейка. Его рука всё ещё искала её, судорожно сжимая простыню. Губы шевельнулись во сне, произнеся что-то бессвязное — может быть, её имя? Лена? Или просто бессмысленный звук? Она не знала. И не хотела знать.

— Я уйду, — прошептала она ветру. — Я оставлю тебе записку. Ты прочитаешь её и забудешь. Потому что так устроены мужчины вроде тебя — они не помнят тех, кто ушёл. Они помнят только тех, кто остался.

Но даже произнося эти слова, она знала почему-то, что врёт. Джейк — не из тех. Он запомнит. Он будет искать. И от этой мысли внутри неё разрастался ледяной ужас — не за себя, а за него. Потому что если Виктор выйдет на след Джейка... Она не могла этого допустить. Она лучше сгинет сама, чем позволит его тени коснуться этого человека, который смотрел на неё так, будто она была не случайной попутчицей, а целым миром.

Она затушила окурок о подоконник, почувствовав, как обжигает пальцы. Ветер донёс запах жасмина и свежей листвы — пьянящий, обволакивающий, как обещание вечности. Но вечность закончится через несколько часов. Когда взойдёт солнце, она станет Эммой, той, которую преследуют тени. А Лена останется здесь, на этом острове, в этих простынях, в памяти одного мужчины.

Она сняла его рубашку и аккуратно повесила на спинку стула. Её собственное платье лежало там же — лёгкое, шёлковое, цвета заката, которое она купила в первой попавшейся лавке, когда приехала сюда, чтобы казаться другой. Она надела его, чувствуя, как холодная ткань касается кожи, и тут же потеряла то тепло, которое дарила его рубашка. словно сняла доспехи.

Она подошла к столу, где лежал блокнот, и взяла ручку. Рука дрожала. Она написала коротко, сухо, без сантиментов: «Прощай. Ты был лучшим сном в моей жизни. Не ищи меня — это опасно для тебя. Лена».

Свернула записку, положила на подушку, рядом с его рукой. И замерла, глядя на него.

Тьма за окном начала редеть — небо заливалось густым синим, предвещая скорый рассвет. Она знала, что должна уйти до того, как первые лучи коснутся горизонта. Иначе она не уйдёт никогда.

Она поцеловала его в лоб — легко, как прикосновение мотылька, — и выскользнула за дверь, навстречу солённому ветру и неизбежности.

За её спиной, в бунгало, Джейк повернулся на бок, нащупал пустоту и застонал во сне. Его пальцы сжали бумагу, которую она оставила. Сжали — и разжали, уронив её на пол.

А волны продолжали бить о берег, ровно, неустанно, как само время.

Эпизод 2.

Она не знала, что рай пахнет жасмином и бензином.

Такси тряслось по узкой дороге, петляющей меж изумрудных холмов. Солнце уже садилось, разливая по небу акварель — розовое, золотое, лиловое — такую роскошь она видела только на открытках, которые никогда не покупала. Кондиционер в машине хрипел, как умирающий зверь, но она всё равно опустила стекло, впуская внутрь влажный, тягучий воздух, пропитанный цветами и океанской солью. Он пах иначе, чем Портленд. Там воздух пах кофе и дождём, здесь — свободой и смертью. Одновременно.

— Ты сошла с ума, — сказала она себе, глядя на мелькающие пальмы. — Ты оставила работу, квартиру, тётю — всё, ради чего ты работала. Ради чего? Чтобы сбежать от призрака?

Но призрак был реальнее, чем этот закат. Виктор. Его лицо всплывало перед глазами каждый раз, когда она закрывала веки, — хищное, с маслянистым взглядом, с голосом, который обещал боль. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и заставила себя думать о цифрах. Ей оставалось всего девяносто пять тысяч. Смешные деньги, если сравнивать с тем, что она уже заработала. И бесконечные, если думать о том, как она их получит. Ещё один танец. Ещё один подарок. Ещё один клиент, который будет смотреть на неё как на вещь, а она будет улыбаться, потому что улыбка стоит дорого.

Она заставила себя выдохнуть. Бали. Она здесь, чтобы забыться, чтобы исчезнуть на неделю, чтобы кровь перестала стучать в висках от страха. А потом — вернуться и добить эту цель. Закрывать кредит. Купить квартиру. Стать свободной.

— Всё хорошо? — спросил водитель, глядя в зеркало заднего вида. Его акцент был густым, как мёд.

— Да, — она улыбнулась той улыбкой, которую отрепетировала за годы работы в клубе, — той, что ничего не значит. — Просто красиво здесь. Очень красиво.

Он что-то сказал на своём языке, засмеялся, и машина свернула к океану. Он открылся внезапно, как удар — бесконечный, тёмно-синий, уходящий за горизонт, где небо целовалось с водой. Эмма замерла, забыв дышать. Она никогда не видела моря. Только на картинках. Только в фильмах. А здесь оно жило — дышало, перекачивалось, шумело, как огромное сердце планеты.

Она заселилась в бунгало у самой воды — маленькое, с соломенной крышей и террасой, выходящей на пляж. Внутри пахло деревом и цветами, а на кровати лежал белый халат, как обещание покоя. Она бросила сумку на пол, не разбирая вещей, и вышла на террасу. Ветер играл с её волосами, срывая с них резинку, разбрасывая русые пряди. Она закрыла глаза и позволила себе просто быть. Просто женщиной на краю земли.

Ей нужно было выпить. Или утонуть. Или и то, и другое.

Она переоделась в лёгкое платье — белое, с открытыми плечами, купленное в аэропорту в последнюю минуту, — и пошла к бару, который виднелся на берегу, утопающий в огнях фонариков. Музыка доносилась оттуда — спокойная, мелодичная, с нотками саксофона. Она почти поверила, что может раствориться в этом звуке, забыться, стать кем-то другим. Настолько другим, что даже имя не будет иметь значения.

Бар был почти пуст. Она взяла коктейль — кисло-сладкий, с мятой и лаймом, — и вышла на самый край пирса, где доски скрипели под ногами, а вода плескалась внизу, тёмная и притягательная. Она смотрела на звёзды, которых в Портленде не увидишь, и думала о том, что мир огромен, а её клетка — размером с одну квартиру.

Она не сразу заметила шум. Голоса — грубые, пьяные, с акцентом, который резал ухо. Трое мужчин, местных, навалились на кого-то у входа в бар. Она не собиралась вмешиваться,

но взгляд сам выхватил фигуру — высокую, широкоплечую, с напряжённой спиной. Мужчина стоял спокойно, даже слишком спокойно, как будто его это не касалось, как будто он был здесь и одновременно нет.

Он был одет в простую белую рубашку, расстёгнутую на две пуговицы, тёмные брюки. Волосы — тёмные, немного растрёпанные, — падали на лоб, а глаза... Она увидела их, когда он повернул голову, и сердце на миг остановилось. Они были цвета тёмного янтаря, пронзительные, цепкие, с прищуром человека, который привык решать проблемы до того, как они возникают.

И он решил. Просто — без крика, без угроз, — сказал несколько слов на их языке, и в его голосе звенела сталь, которую не купишь за деньги. Он не дрался, не унижал, просто — заплатил, сунул купюру в руку самому наглому, и те, усмехнувшись, отстали. Всё заняло тридцать секунд. Или вечность.

Эмма не поняла, почему она смотрит на него, когда всё уже кончилось. Но она продолжала смотреть. И он поймал её взгляд.

Уголки его губ чуть дрогнули — не улыбка, но что-то близкое. Он подошёл к бару, взял виски, не спросив, и сел за столик рядом с ней, не глядя в её сторону. Тишина между ними была живой. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное, как у человека, который привык к тишине.

— Вы здесь одна? — спросил он, не поворачивая головы.

Его голос был низким, с хрипотцой, как будто он много курил или много молчал. Она ответила не сразу, разглядывая его профиль — прямую линию носа, выступающую скулу, тень щетины на подбородке.

— А вы всегда вмешиваетесь в чужие разборки? — вопросом на вопрос ответила она, и сама удивилась тому, как прозвучал её голос — дерзко, почти игриво.

Он повернулся к ней, и на этот раз в его взгляде мелькнул настоящий интерес. В глазах — не просто любопытство, а изучающий холодок профессионала. Он сканировал её, как сканируют машину — быстро, точно, находя изъяны.

— Только когда они портят мне вечер, — сказал он, поднимая бокал. — А вы, значит, часть моего вечера. Или я ошибся?

Она усмехнулась. В груди разлилось что-то теплое, почти забытое, — ощущение, что она может быть собой. Настоящей, без масок. Или, наоборот, — может быть кем-то совершенно другим.

— Зависит от того, какой вечер вы планируете, — ответила она.

Он пододвинул к ней стул, и она села. Напротив. Их глаза встретились — и мир вокруг перестал существовать. Бар, музыка, океан — всё исчезло, остались только его руки, сжимающие стакан, и его взгляд, прожигающий её насквозь.

— Меня зовут Джейк, — сказал он просто, без пафоса, как будто представляться было не обязательством, а правом. — А вас?

Она смотрела на него. В его лице не было жадности, которую она привыкла видеть в мужчинах. Не было похоти, не было расчёта. Только спокойная, почти отстранённая внимательность. Он был красив той красотой, которая не требует аплодисментов, — суровой, мужской, с прожитой жизнью в складках у глаз.

И она сделала выбор. Мгновенный, как удар током.

— Лена, — сказала она. — Меня зовут Лена.

Имя сорвалось с губ, как будто ждало этого момента. Оно было чужим, вымышленным, красивым — имя героини из романа, который она читала в шестнадцать лет. Оно пахло свободой, которую она никогда не имела.

— Лена, — повторил он, пробуя имя на вкус, и улыбнулся — широко, искренне, обнажая белые зубы. — Красивое имя. Подходит вам.

Она почувствовала, как щёки заливают румянец, и поспешила спрятаться за бокалом. Он не знал. Он не мог знать, что она только что украла себе новую судьбу.

— А что вы делаете на Бали, Лена? — спросил он, откидываясь на спинку стула. — Похоже, вы не из тех, кто просто отдыхает.

Она сделала глоток. Коктейль обжёг горло, и она почувствовала, как внутри распускается ложь, как цветок, — красивая, ядовитая.

— Я дизайнер интерьеров, — выдохнула она, глядя на него с вызовом. — Приехала на вдохновение. А вы?

«Дизайнер интерьеров» — это было почти правдой. Она мечтала переделать свою квартиру, когда выкупит её. И сейчас она притворялась той, кем могла бы стать, если бы жизнь была честнее.

Он усмехнулся, и в его усмешке не было насмешки, только тепло.

— Я водитель, — сказал он. — Гоняю по всему миру, мою чужие машины. Ничего романтического.

Она знала, что он лжёт. По тому, как он держал стакан — уверенно, властно, — по его рукам, которые были слишком ухоженными для простого мойщика. Но она не стала спрашивать. Они оба лгали. И эта взаимная ложь была их первой тайной, которую они носили вместе, как украденный бриллиант.

Они проговорили до полуночи. Он рассказывал о морях, в которых плавал, о городах, которые видел, о том, как однажды чуть не утонул у берегов Таиланда. Она слушала, попивая коктейль, и позволяла себе верить в его слова, как ребёнок верит в сказку. Время текло иначе — не секундами, а вздохами. Когда они вышли из бара, океан уже дышал тише, звёзды отражались в воде, как россыпь бриллиантов.

Он снял рубашку и накинул ей на плечи, хотя ночь была тёплой. Жест — невесомый, почти случайный, — но она почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Вы замёрзли, — сказал он, и это было неправдой, но она кивнула, не желая спорить.

Они пошли по пляжу — медленно, босиком, чувствуя, как мелкий песок оседает между пальцами. Волны накатывали на их ноги, холодные и ласковые. Он говорил что-то смешное, она смеялась — первый раз за последние месяцы, настоящим смехом, который рождался внутри, а не снаружи.

— Лена, — произнёс он её вымышленное имя, когда они остановились у кромки воды, и в его голосе было столько нежности, что у неё сжалось сердце. — Странное чувство. Мне кажется, я знаю тебя давно.

Она не ответила. Она просто стояла, глядя на него, и думала: «Если бы ты знал, кто я на самом деле, ты бы убежал. Если бы ты знал, какой груз я тащу за собой, ты бы не обнимал меня сейчас».

Но он обнимал. Его руки скользнули по её талии, мягко притягивая к себе. И она позволила себе упасть в это объятие, как в последнее спасение. Она чувствовала, как бьётся его сердце — глухо, ровно, — и её собственное сердце отвечало ему тем же ритмом.

Они вернулись в его бунгало, когда луна уже стояла высоко. И там, в темноте, среди шёпота волн и запаха жасмина, она позволила себе забыть всё: Портленд, Виктора, кредит, миллион, тётю, школу, клуб. Она была просто Леной. Женщиной, которую любят. Женщиной, которая может быть счастлива.

Но когда она засыпала в его объятиях, в её голове билась одна-единственная мысль, как загнанная птица: *«Через семь дней я исчезну. Я должна. Это единственный способ спасти его».*

И она заснула, прижимаясь к его груди, чувствуя, как его дыхание касается её волос. За окном шумел океан, бесконечный и равнодушный, не знающий, что такое ложь.

....

Реальность встретила её дождём. Эмма открыла глаза, и первое, что она увидела, — серый потолок с трещиной, похожей на карту неведомой страны. За окном шуршал дождь — монотонный, навязчивый, как будильник, который не выключается. Он барабанил по подоконнику, стекал по стеклу мутными слезами, размывая очертания города за ним. Портленд просыпался в своей обычной маске — промозглый, хмурый, равнодушный.

Она села на кровати, и холодный воздух тут же обнял её за плечи. В квартире было сыро и пусто. Стопка непроверенных тетрадей на столе, пустая чашка из-под кофе, которую она забыла помыть вчера, и на стене — тот самый график, который она перерисовывала каждое утро. Красная линия приближалась к заветной цели. Оставалось девяносто пять тысяч. Девяносто пять тысяч долларов, которые отделяли её от свободы.

Но сейчас, глядя на серый дождь, она чувствовала только усталость. Такую глубокую, что кости, казалось, растворились в ней, оставив только пустоту.

Она натянула халат, подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Город тонул в тумане, и она подумала: «А где сейчас океан? Где тот бесконечный синий, который я видела всего неделю назад?» Она закрыла глаза, и перед ними сразу всплыло лицо Джейка — тёплое, с янтарными глазами, с той улыбкой, от которой у неё внутри всё переворачивалось. Но она запретила себе думать о нём. Запретила — как алкоголик запрещает себе первый глоток. Потому что если она позволит этой мысли разрастись, она не сможет встать, одеться и пойти на работу.

Телефон на тумбочке завибрировал, вырывая её из оцепенения. Она вздохнула, потянулась к нему, и на экране высветилось имя Лили.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем она себя чувствовала.

— Эмма, солнышко, спасай! — голос подруги звенел отчаянной мольбой. — Я свалилась с температурой, а сегодня у нас «золотой вечер» в клубе. Без меня никто не справится с отчётами. Ты же знаешь, я веду учёт подарков, а если я не приду, всё рухнет.

Эмма закрыла глаза. В груди заныло знакомое напряжение. Клуб. «The Velvet Rope». Вечер, когда она снова наденет парик, покрасит губы алой помадой и выйдет на сцену, забывая, кто она такая. Вчера она думала, что возьмёт паузу, хотя бы на день, чтобы прийти в себя после Бали. Но Лили — единственная, кто знал правду, кто прикрывал её перед администрацией, кто помогал перепродавать подарки через ломбард.

— Хорошо, — выдохнула Эмма. — Выхожу в вечернюю смену. Но только сегодня.

— Ты золото! — Лили просияла в трубке. — Я тебя обожаю. Кстати, проверь новости — там что-то про твоего «приятеля» писали. В общем, будь осторожна.

Она сбросила вызов, и в ушах повисла гудящая тишина. «Про твоего приятеля». Эмма знала, о ком речь. Виктор. Её сердце забилось быстрее, но она заставила себя дышать ровно. Заварила кофе — чёрный, без сахара, обжигающий, — и включила ноутбук. На экране высветилась новостная лента. Заголовок жирными буквами ударил в глаза: *«Полиция Портленда задержала предполагаемого организатора сети незаконного автотрейдинга. Ведётся расследование»*.

Эмма вчиталась в текст. Фамилия Сальваторе мелькала вскользь, прикрытая юридическими формулировками, но она знала: это его. Его люди, его деньги, его тени. Но он сам, по всей видимости, оставался вне досягаемости. Полиция взяла мелких сошек, а он, как всегда, ускользнул. От этой мысли в её желудке завязался ледяной узел.

«Он не оставит меня в покое, — поняла она. — Он будет искать. А пока он занят своими делами, у меня есть время. Время заработать эти деньги и исчезнуть навсегда».

Она отхлебнула кофе, обожгла горло, но не почувствовала боли. Она уже привыкла к этому ощущению — когда страх превращается в топливо.

Дождь не прекращался. Он лил всю дорогу до школы, стекая по стеклу автобуса, превращая серые улицы в размытые акварели. Эмма сидела у окна, глядя, как город расплывается за каплями, и думала о том, что мир всегда делится на две части — там, где светло и тепло, и здесь, где темно и сыро. На Бали было тепло. Там был океан, и Джейк, и запах жасмина. А здесь — её настоящая жизнь, серая, как этот дождь, и такая же неизбежная.

Она вошла в школу, и запах мела, бумаги и детского пота ударил в ноздри — родной, привычный, успокаивающий. Коридоры гудели голосами, в классах звенел смех. Она прошла в кабинет английского, и ученики, увидев её, заулыбались.

— Мисс Уилсон! — хором закричали они, и эти голоса были как бальзам на её растрескавшуюся душу.

— Тише, тише, — она улыбнулась, настоящей улыбкой, той, которую не нужно репетировать. — Сегодня мы разбираем «Гамлета». И я надеюсь, вы помните, что «быть или не быть» — это не про экзамены.

Они засмеялись, и она почувствовала, как тепло разливается по телу, вытесняя холод. Эти дети — семиклассники, с их первой влюблённостью, дурацкими шутками и искренним интересом к шекспировским страстям — были её отдушиной. Они не знали про клуб, про парики, про Виктора. Они видели в ней просто учительницу, которая может объяснить разницу между present perfect и past simple, и эта простота была для неё спасением.

Урок пролетел, как одно мгновение. Она рассказывала о датском принце, а они ловили каждое слово, и на их лицах был настоящий восторг. Один мальчик, Томми, поднял руку и спросил:

— А как вы думаете, мисс Уилсон, Гамлет был бы счастлив, если бы его мать не вышла замуж за Клавдия?

Эмма задумалась, глядя в его любопытные глаза. И вдруг она поняла, что Гамлет — это не просто герой пьесы. Гамлет — это она. Человек, который застрял между двумя мирами, между правдой и ложью, между долгом и желанием. Она тоже задавала себе этот вопрос каждую ночь: «Быть ли мне той, кем я стала, или той, кем я мечтаю быть?»

— Возможно, — сказала она, — он нашёл бы своё счастье там, где перестал бы бояться быть собой.

Вторая половина дня пролетела незаметно. Она вела кружок, проверяла сочинения, обсуждала с коллегой планы на следующую неделю. И когда последний звонок прозвенел, и коридоры опустели, она вышла на улицу, где дождь уже превратился в мелкую морось.

Она шла по мокрому асфальту, вдыхая запах мокрой листвы и бензина. Завтра — снова школа. Вечером — клуб. А потом — ещё неделя, ещё месяц, и, возможно, она наконец-то увидит ту заветную цифру на счету.

Она зашла в маленькое кафе, взяла чай с имбирём и села у окна, глядя, как огни города отражаются в лужах. И в голове всплыл голос Джейка — низкий, чуть хриплый, который говорил ей на берегу: «Лена, я хочу знать тебя настоящую».

«Но ты никогда не узнаешь меня, — подумала она, сжимая кружку. — Потому что я сама не знаю, какая я настоящая. Я — сумма масок, которые ношу каждый день. И только ночью, в танце, я чувствую себя живой».

Она допила чай, расплатилась и вышла под дождь. Впереди был ещё один вечер, ещё один танец, ещё один шаг к миллиону. И она сделает этот шаг, даже если у неё не останется сил. Потому что завтра — как и сегодня — она проснётся в своей серой квартире, посмотрит на график и снова начнёт считать.

Где-то там, за океаном, закат уже окрашивал волны в золото. А здесь, в Портленде, падал дождь, и он не обещал, что когда-нибудь закончится.

...

Она проснулась от прикосновений. Сначала — лёгкое, почти невесомое скольжение по плечу, будто ветерок коснулся кожи. Потом — тёплая ладонь, медленно поглаживающая её руку от запястья до локтя, оставляя за собой дорожку мурашек. Эмма не открывала глаз, но улыбнулась, чувствуя, как сон тает, уступая место сладкому, тягучему теплу.

Его губы коснулись её лба — мягко, почти благоговейно, как будто он целовал не женщину, а самое дорогое сокровище. Потом — веки, заставляя её ресницы дрогнуть. Потом — кончик носа, и она тихо рассмеялась, приоткрывая глаза.

— Доброе утро, соня, — прошептал он, и его голос был хриплым со сна, тёплым, как расплавленный мёд. — Ты такая красивая, когда спишь. Я мог бы смотреть на тебя вечно.

Она приоткрыла глаза, и первое, что она увидела, — его лицо. Совсем близко, в полуметре, обрамлённое мягким утренним светом, который сочился сквозь занавески. Его глаза янтарно горели, тёплые и глубокие, как само море, а на губах играла лёгкая, сонная улыбка.

— Джейк... — выдохнула она, и внутри разлилось такое чувство, что она забыла, как дышать. Нежность, благодарность, благоговение — всё смешалось в один тёплый комочек под рёбрами.

— Как спалось? — спросил он, проводя пальцем по линии её скулы, легко, как художник, наносящий штрих.

Она прикрыла глаза, наслаждаясь этим прикосновением.

— Как в раю, — ответила она, и это было правдой. Она не спала так крепко и безмятежно уже много лет, с тех пор, как родители ушли из жизни, а жизнь превратилась в бесконечную борьбу.

— Мне тоже, — он наклонился, поцеловал её в плечо, и она почувствовала, как его дыхание щекошет кожу. — Но знаешь, что может сделать это утро ещё лучше?

Она открыла глаза, вглядываясь в его лицо. В его взгляде плясали озорные искры.

— Что?

Он улыбнулся той улыбкой, от которой у неё внутри всё переворачивалось.

— Принять вместе душ. Я тебя научу одному секрету. Вода на Бали — волшебная. Она смывает все тревоги.

Она засмеялась, легко, как девчонка, и он подхватил её на руки, не дав возразить. Тёплая кожа касалась тёплой кожи, и когда он нёс её в ванную, она чувствовала, как его сердце бьётся рядом с её, в одном ритме, как у двух половинок одного целого.

Душ был открытым, под открытым небом — струи воды падали с бамбуковой трубы, смешиваясь с солнечными лучами, пробивающимися сквозь листву. Пар клубился над каменным полом, окутывая их влажным облаком.

Эмма стояла под струями, запрокинув голову, и чувствовала, как капли скользят по её телу, оставляя влажные дорожки. Джейк стоял рядом, и его руки легли ей на талию, притягивая ближе. Вода стекала по его груди, по тёмным волосам, по плечам, и он был прекрасен — как древний бог, вышедший из пены морской.

Он прижался к ней, и она почувствовала его дыхание на своей шее, а затем — его губы, которые целовали её мокрую кожу, спускаясь по ключице к плечу. Она выдохнула, и этот выдох слился с шумом воды.

— Ты дрожишь, — прошептал он, и в его голосе была улыбка.

— От холода, — соврала она, но он знал, что это неправда.

Он развернул её к себе, и их взгляды встретились под водопадом струй. В его глазах плясали блики света и желание, такое чистое, такое настоящее, что у неё перехватило дыхание. Его руки скользнули по её спине, и она почувствовала, как его пальцы перебирают влажные пряди её волос.

— Я хочу запомнить каждый миг с тобой, — сказал он, и его голос был как шёпот, заглушаемый водой. — Каждое прикосновение.

Их губы встретились под струями, мягко и глубоко, и вода стекала по их лицам, смешиваясь с дыханием. Время остановилось. Остались только он и она, и этот бесконечный поток, который омывал их страсть, делая её чище и горячее.

Потом он взял мыло — с запахом сандала и ветивера, — и начал медленно намыливать её плечи, её руки, её спину, пальцы скользили по коже, оставляя за собой пенную дорожку. Она закрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом мгновении, чувствуя, как его руки изучают каждую линию её тела, как прикасаются с благоговением, с такой нежностью, что у неё слезы наворачивались на глаза.

Потом она взяла мыло и ответила ему тем же — провела ладонями по его груди, по животу, чувствуя, как его мышцы напрягаются под её пальцами, как его дыхание становится глубже. Они двигались в ритме воды, медленно, чувственно, как танец, в котором нет правил. Он приподнял её, прижав к стене, и их тела слились воедино под струями, горячими и чистыми, как их собственное чувство, которое росло с каждой секундой.

Когда они вышли из душа, закутанные в махровые халаты, их волосы ещё капали водой, и в воздухе витал запах мыла и мокрого камня. Она чувствовала лёгкую дрожь в ногах и безмерную, почти болезненную нежность к этому мужчине, которого знала всего лишь сутки.

— Я голодна, — сказала она, улыбаясь, и он засмеялся, целуя её в висок.

— Тогда идём. Я знаю одно место, там лучшие блинчики в мире.

Они оделись легко — она в льняной сарафан цвета морской волны, он в светлую рубашку, расстёгнутую на груди, и шорты. И пошли по тропинке, вымощенной камнем, петляющей между бунгало к небольшому кафе на берегу.

Кафе называлось «Sunrise», и оно стояло на самом краю пляжа, на деревянном настиле, уходящем прямо в океан. Столики были расставлены так, что с каждого открывался вид на бескрайнюю синеву, которая сливалась с горизонтом. Чайки кружили над головой, изредка ныряя за рыбой, а ветер доносил запах жасмина и жареного кофе.

Они сели за столик у самого края, и Эмма заказала тропический салат и свежавыжатый сок. Джейк взял чёрный кофе и блинчики с бананом и карамелью, как и обещал.

— Расскажи мне о себе, — сказал он, когда они стали ждать заказ. Он смотрел на неё поверх чашки, и в его взгляде была та спокойная внимательность, которая заставляла её чувствовать себя ценной. Она опустила глаза, собираясь с мыслями.

— Что именно ты хочешь знать?

— Всё. Откуда ты, где твоя семья, что привело тебя сюда.

Она сделала глубокий вдох. Она уже выбрала эту ложь, когда назвалась Леной. Теперь придётся плести её дальше, как паутину.

— Я родилась в маленьком городке в Орегоне, — начала она, и в её голосе звучала тёплая ностальгия, которую она умело притворяла. — Мои родители были художниками. Они умерли, когда мне было восемнадцать. Автокатастрофа. Осталась только квартира, которую я пытаюсь сохранить.

Это была правда. Только имена и причины были другими. Родители действительно умерли, но не в катастрофе — от болезни. И квартира была заложена не потому, что они были бедными, а потому, что она сама взяла кредит, чтобы оплатить их лечение.

— Мне очень жаль, — сказал он тихо, и его рука накрыла её ладонь. — Ты одна?

— У меня есть тётя и дядя, — ответила она, и это тоже была правда. — Они заменили мне родителей. Я живу у них, но... хочу иметь свой угол. Наверное, поэтому я здесь — чтобы найти вдохновение для нового проекта. Я дизайнер интерьеров, помнишь?

Она улыбнулась, но эта улыбка была горькой. Она лгала человеку, который смотрел на неё с такой теплотой, что у неё сердце разрывалось. Она чувствовала себя предательницей. Но она не могла рассказать правду — о клубе, о Викторе, о том, что она танцует за деньги. Он бы отвернулся от неё. Или, что хуже, захотел бы помочь, и тогда она бы втянула его в эту грязь.

— А ты? — спросила она, чтобы перевести тему. — Ты говорил, что водитель, но я не верю. У тебя взгляд человека, который привык командовать, а не подчиняться.

Он рассмеялся, запрокинув голову, и солнечный свет заиграл в его волосах.

— Проницательная, — сказал он, с уважением глядя на неё. — Я владелец сети детскихинговых студий в Лос-Анджелесе. Бывший морпех. Ушёл в бизнес, чтобы забыть кое-что. Но машины — моя страсть. Я люблю делать их красивыми. А люди... люди сложнее.

— Ты тоже прячешься, — сказала она, и это было не вопросом, а утверждением.

Он помолчал, глядя на неё, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, что-то, что он не хотел показывать.

— Мы все прячемся, Лена. Просто кто-то делает это лучше.

Они замолчали, и в этом молчании была какая-то особая близость — как будто оба знали, что они не те, кем кажутся, но принимали друг друга такими, какие есть, не задавая лишних вопросов.

Завтрак прошёл в лёгких разговорах. Он рассказывал смешные истории о своих клиентах, которые требовали полировать машину до зеркального блеска, а потом заляпывали её грязью с первой же поездки. Она смеялась, и впервые за долгое время её смех был настоящим, не наигранным.

Потом они пошли гулять по пляжу. Солнце поднималось всё выше, окрашивая песок в золотистый, волны лениво накатывали на берег, и ветер играл с её длинными волосами, разбрасывая их по плечам. Джейк взял её за руку, и они шли по кромке воды, оставляя за собой цепочку следов, которые тут же смывало море.

— Я хочу показать тебе одно место, — сказал он, когда они дошли до каменистого мыса, за которым открывалась маленькая бухта. — Там можно увидеть черепах. Они приплывают сюда каждое утро.

Она улыбнулась, и они свернули в сторону. Но когда она оглянулась на пляж, который остался позади, её взгляд зацепился за чёрный джип, стоявший у входа в бар, где они познакомились вчера. Машина была припаркована так, что из неё открывался отличный вид на всю береговую линию. Стекло тонированное, номеров не видно. Эмма замедлила шаг, вглядываясь. Что-то показалось ей знакомым — очертания, цвет, блеск хромированной решётки. Но она не могла вспомнить, где видела эту машину. В голове мелькнула тревога, но она тут же прогнала её. «Это просто туристы, — подумала она. — На Бали полно таких джипов. Ты слишком параноишь».

— Лен? — Джейк обернулся, заметив, что она остановилась. — Всё в порядке?

— Да, — она поспешно догнала его, заставляя себя улыбнуться. — Просто показалось... не важно.

Она взяла его под руку, прижалась к нему, вдыхая запах его кожи — солёный, свежий, как само море. И они пошли дальше, к бухте, где в прозрачной воде плавали огромные черепахи, а на скалах грелись ящерицы.

Но в глубине души у неё остался тот образ — чёрный джип, стоящий у бара, как молчаливый свидетель. И она не могла избавиться от ощущения, что за ними наблюдают.

Она оглянулась ещё раз, но джип уже исчез. Или ей только показалось.

«Ты сошла с ума, — повторила она себе. — Виктор далеко. Он не может быть здесь. Ты в безопасности». И она позволила себе поверить в это — хотя бы на мгновение. Потому что рядом был Джейк, и его рука сжимала её ладонь, а океан шептал что-то успокаивающее, и хотелось верить, что это будет длиться вечно. Даже если она знала, что у неё есть всего пять дней.

...

Дом встретил её тишиной. Сырой, осевший на стенах, как плесень. Эмма щёлкнула выключателем — и жёлтый свет люстры вырвал из полумрака её маленькую квартиру: всё та же стопка тетрадей на столе, всё та же пустая кружка, всё тоже расписание на холодильнике. И всё тот же график на стене — красная линия, которая с каждым днём становилась всё короче.

Она сбросила туфли, прошла босиком в ванную. Включила воду, и пар пополз по кафелю, запотевая зеркало. Она стояла под струями, закрыв глаза, и пыталась вернуть себе то ощущение — Бали, солнце, его руки на своей талии. Но вода была холодной, и память ускользала, как песок сквозь пальцы.

«Не думай о нём, — приказала она себе, растирая кожу жёсткой мочалкой. — Он — сон. А сны не сбываются».

Она выключила воду, обернулась в полотенце и вышла в комнату. На стуле, спинка которого была увешана платьями и блузками, висел чёрный чехол. Она расстегнула молнию и достала бельё — кружевное, как паутина, цвета бордового вина, с тонкими бретельками. Чулки — чёрные, с кружевной резинкой, почти прозрачные. Она надела их медленно, с привычной тщательностью, проводя пальцами по шву, расправляя каждую складочку. Потом — платье: короткое, открытое, блестящее, как чешуя. Оно облегло тело, оставляя открытыми плечи, ключицу, ложбинку на груди.

Она села перед зеркалом и начала преображение. Тональный крем лёг ровным слоем, скрывая круги под глазами и бледность. Контур подчеркнул скулы, тени сделали взгляд глубже, алая помада придала губам чувственную полноту. Затем — парик. Длинные, чёрные, блестящие волосы упали на плечи, скрывая её собственные русые пряди. Она провела пальцами по прядям, поправляя, и взглянула в зеркало.

Оттуда на неё смотрела совсем другая женщина. Высокая, холодная, с хищным блеском в глазах и линией губ, которая обещала и никогда не давала. «Nova» — звезда ночи, которая вспыхивает на сцене, чтобы сгореть до утра. Её лицо ничего не выражало, кроме той спокойной уверенности, которую Эмма научилась носить, как маску.

— Кто ты? — спросила она у своего отражения, и отражение усмехнулось, обнажая белые зубы.

— Я та, кто закрывает кредиты, — ответила она вслух, и голос прозвучал резко, как пощёчина.

Такси ждало у подъезда. Она скользнула на заднее сиденье, запахнув куртку поверх платья, и назвала адрес. Город мелькал за окнами — неоновые вывески, мокрый асфальт, фигуры прохожих, укутанных в плащи. Она откинулась на спинку и закрыла глаза, слушая, как дождь стучит по крыше.

«The Velvet Rope» сиял на углу 5-й авеню. Золотые буквы, ковровая дорожка, два вышибала у входа — дорогих, в костюмах, с наушниками в ушах. Это был не просто стрип-клуб. Это был храм, где красота продавалась по цене искусства. Здесь не было грязи — только шёлк, парфюм и деньги, которые падали в руки, как листья.

Эмма прошла через чёрный вход, где её уже ждала Лили — взлохмаченная, с красным носом, но с улыбкой до ушей.

— Ты пришла! — прошептала подруга, обнимая её. — Спасибо, спасибо! Я сегодня еле стою на ногах, но без тебя — труба.

— Да, да, — Эмма мягко отстранилась, поправляя парик. — Что по отчётам?

— Всё готово, я переслала на планшет, — Лили кивнула в сторону гримёрки. — Кстати, сегодня полный зал. Все ждут «Nova».

В гримёрке стоял запах лака, духов и пота, перемешанный с табачным дымом. Девушки сидели перед зеркалами, каждая в своём мире. Эмма скользнула взглядом по лицам — знакомым, почти родным, но тайнам, которые они носили, не было числа.

Вот Моника, высокая блондинка с глазами куклы. Она растила сына, которому требовалась дорогая операция. Она танцевала по ночам, чтобы днём водить его к врачам. Она никогда не жаловалась — только улыбалась той стеклянной улыбкой, которая ничего не стоила.

Вот Рита, с татуировкой дракона на спине, — бывшая олимпийская гимнастка, сломанная травмой и собственным тренером. Она выбрала этот путь, потому что не умела делать ничего другого, кроме как изгибать тело. Но в её глазах таилась такая злоба на мир, что её боялись даже клиенты.

Вот Джанель, крошечная, почти невесомая, с фиолетовыми волосами. Её выгнали из дома в шестнадцать, и клуб стал её домом. Она не знала, что такое завтрак с семьёй, зато знала, как выбить чаевые за пять минут.

А вот Стелла, самая старшая, ей уже под сорок. Она танцевала двадцать лет, и её тело помнило больше мужчин, чем она могла сосчитать. Она больше не прятала морщин — она носила их как трофеи. «Милые, — говорила она, — не верьте тем, кто скажет, что это легко. Это та же война, только без оружия».

Эмма смотрела на них, и в груди разрасталась странная смесь уважения и боли. Каждая из них носила свою историю, свой груз. Кто-то, как она, делал это ради цели, ради мечты — чтобы однажды вырваться из этого круга. Другие — оставались здесь, потому что этот блестящий ад был единственным, что они знали. И это было страшно. Страшно, что где-то в других клубах города девушкам не давали выбора — их подкладывали под клиентов, как вещи, ломали, накачивали наркотиками, заставляли делать то, что превращало тело в мясо.

Здесь, в «The Velvet Rope», такого не было. Это был элитный клуб, где гостей отбирали как в ресторан с мишленовскими звёздами. Здесь можно было просто танцевать и улыбаться — и это было огромным счастьем. Но даже это счастье было горьким на вкус.

— Nova, ты готова? — менеджер, сухой и деловой, заглянул в гримёрку.

— Всегда, — ответила она, поправляя кружево на груди.

Музыка зазвучала — тягучая, бархатная, с нотками саксофона. Она вышла на сцену, и прожектор выхватил её из темноты, сделав центром вселенной. Она начала двигаться, медленно, как змея, перетекать в ритме, забывая, кто она на самом деле. Тело жило своей жизнью — изгиб, шаг, взмах рукой, бросок головы, — и каждый жест был словом в языке, который понимали все.

Она танцевала не для мужчин, смотрящих снизу вверх с жадными глазами. Она танцевала для себя — для той Эммы, которая однажды проснётся утром и увидит, что график закончен, что кредит закрыт, что квартира — её. Она танцевала для тех дней, когда она сможет ходить на работу в школу с улыбкой, не думая о ночи.

Время потеряло счёт. Два танца, три, четыре. Она уже не чувствовала ног, только адреналин, который гнал кровь по венам. Когда музыка стихла, и свет залил сцену, она улыбнулась — той улыбкой, что ничего не стоит, — и сделала шаг назад, скрываясь в кулисах.

Потом она спустилась в зал, чтобы принять заказ у бара. Она никогда не сидела с клиентами за столиками — это было правилом, которое она установила для себя. Лили наливала ей сок, и она медленно пила, разглядывая публику. Мужчины в костюмах, женщины с тоскливыми глазами, пары, которые пришли разжечь угасший огонь.

И тут она его увидела.

Сначала — только краем глаза: фигура в чёрном пиджаке, сидящая в полумраке у дальней стены. Но что-то в этой фигуре заставило её кровь застыть. Она повернулась медленно, сантиметр за сантиметром, и её взгляд встретился с его взглядом. Виктор Сальваторе. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, и держал в руке стакан с виски. В его глазах не было ни удивления, ни радости — только спокойное, терпеливое любопытство. Он ждал её. Он знал, что она здесь, и терпеливо ждал, когда она его заметит.

Эмма почувствовала, как земля уходит из-под ног. Стакан сока выскользнул из пальцев и разбился о стойку, осколки разлетелись по барной поверхности. Кто-то охнул, Лили засуетилась, но она не слышала ничего, кроме шума в ушах.

Он поднялся — плавно, без спешки, — и направился к ней. Его шаги были мягкими, как у хищника, который не сомневается в своей добыче. Он подошёл почти вплотную, и она почувствовала запах его одеколона — терпкий, тяжёлый, как смола.

— Здравствуй, моя звёздочка, — сказал он, и его голос был таким же маслянистым, как в тот раз, когда он впервые заговорил с ней в клубе. — Я знал, что найду тебя здесь.

Эмма сглотнула, чувствуя, как горло сжимается от страха. Но она заставила себя улыбнуться — той улыбкой, которую оттачивала годами.

— Виктор, — сказала она, и голос её был ровным, как стекло. — Я думала, ты в тюрьме. Он рассмеялся — тихо, почти ласково.

— Милая, тюрьмы для таких, как я, — это только слухи. Мои адвокаты лучше твоих танцев. Ты же знаешь, я не сдаюсь. Я просто... жду. Он сделал шаг ближе, и она почувствовала его дыхание на своей щеке.

— Ты исчезла, — продолжил он, и в его голосе послышались стальные нотки. — Уехала на неделю. На Бали, кажется? Красиво там. Я видел фотографии в твоём телефоне. Тот парень, с которым ты была... как его имя? Джейк?

У Эммы перехватило дыхание. Откуда он знает про Джейка? Она не оставляла следов. Она использовала чужое имя, фальшивый паспорт.

— Не трогай его, — прошептала она, и в её голосе впервые прозвучала мольба. Виктор улыбнулся — широко, как акула, почуявшая кровь.

— Я не трогаю чужие игрушки, — сказал он. — Только мои. А ты, моя дорогая, моя. Ты убегала, но я настиг. И теперь мы решим наш вопрос. Ты танцуешь для меня, или я делаю так, что тебе больше нигде будет танцевать. И твоему новому дружку тоже. Он сунул руку в карман, достал что-то и положил на стойку. Эмма взглянула — и сердце остановилось. Это была фотография. На ней был Джейк, выходящий из кафе на Бали, и на заднем плане чётко была видна она сама. Снимок был сделан с того самого чёрного джипа.

— Это был ты, — выдохнула она. — Ты следил за мной?!

— Не я, — поправил он. — Мои люди. Они хороши, правда? Я знал, что ты сбежишь. Я просто позволил тебе поверить в свободу. А теперь... возвращайся ко мне, Эмма. Или твой Джейк узнает, кем ты на самом деле работаешь. И что ты сделала с его доверием.

Он развернулся и пошёл к выходу, не оглядываясь. А она осталась стоять у стойки, глядя на свою руку, которая дрожала, как осиновый лист. Где-то за спиной играла музыка, и девушки танцевали, не зная, что мир Эммы только что рухнул. Она взяла фотографию и сжала её в кулаке так, что ногти впились в бумагу, оставляя следы.

«Я должна его предупредить, — пронеслось в голове. — Или уйти. Навсегда. Забрать эти деньги, исчезнуть, чтобы никто не пострадал».

Но она знала одно точно, что Виктор не отстанет. Он будет преследовать её, пока не получит то, что хочет. Или пока она не сделает то, чего он требует.

Она увидела его впервые три месяца назад. Вечер был таким же, как сегодня, — дождливым, промозглым, когда хочется закутаться в плед и никуда не выходить. Но она вышла, потому что Лили умоляла подменить её на один танец, а Лили не умела просить зря.

Он сидел в первом ряду, почти у самой сцены, в элегантном сером костюме, с бокалом красного вина в руке. Его лицо было приятным — мягкие черты, лёгкая улыбка, глаза, которые смотрели на неё не с похотью, а с каким-то странным, почти отеческим интересом. Он не был похож на других — тех, кто приходил смотреть на обнажённое тело, оценивая каждый изгиб как товар. В нём чувствовалась порода, воспитание, утончённость. Когда она закончила танец и спустилась в зал, он подошёл к ней, держа в руках букет белых роз.

— Вы великолепны, — сказал он, и его голос был мягким, бархатным, без капли фальши. — Меня зовут Виктор. Я редко бываю в таких местах, но ваш танец... он как поэма. Я не мог не подойти.

Она улыбнулась той служебной улыбкой, которую носила как маску.

— Спасибо, — ответила она, принимая цветы. — Приятно слышать.

— Я хотел бы пригласить вас на ужин, — продолжил он, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти застенчивое. — Просто поговорить. Я знаю хорошее место, недалеко отсюда. Не волнуйтесь, я не из тех, кто просит большего. Мне просто интересна женщина, которая так красиво двигается.

Она чувствовала себя почти польщённой. Он был вежлив, обходителен, не давил, не торопил. Он выглядел как человек, который умеет ждать, умеет ценить, умеет быть внимательным. Она согласилась — первый раз за долгое время позволила себе слабость, поверила, что этот вечер может быть просто вечером, без обязательств и подтекста.

Ужин прошёл очаровательно. Он рассказывал о своих путешествиях, об искусстве, о музыке. Он знал Шекспира, цитировал Бродского, смеялся над её шутками и смотрел на неё так, как будто она была самым интересным человеком в мире. Он не спрашивал о деньгах, не пытался купить её внимание — он просто был рядом, и это было так странно, так непривычно, что она почти расслабилась.

— Знаешь, — сказал он, когда они вышли из ресторана, и дождь уже стих, оставляя за собой влажный асфальт и запах мокрой листвы, — я давно не чувствовал себя таким живым. Спасибо тебе, Эмма. Ты особенная.

И она почти поверила. Почти. Но на третьем свидании он изменился. Неожиданно, резко, как будто переключил внутри себя какой-то рычаг.

Они сидели в его машине — чёрном «Мерседесе» с тонированными стёклами, — и он вдруг стал говорить о том, что она должна уйти из клуба, что он может дать ей больше, что она будет его женщиной, его вещью, его собственностью. В голосе появились стальные нотки, взгляд стал тяжёлым, липким, как масло.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и его пальцы сжали её руку чуть сильнее, чем нужно. — Я привык получать то, что хочу. А ты — единственная, кто сказал мне «нет». Это не вариант. Ты будешь моей, Эмма. Или ты не будешь ничьей.

Она вырвала руку, выскочила из машины и побежала, не оглядываясь. Её сердце колотилось, как птица в клетке, и она слышала его голос, доносившийся из приоткрытого окна:

— Я найду тебя. Ты не спрячешься. Никто не прячется от меня.

С того дня он стал её тенью. Цветы у дверей перерезанными стеблями, звонки в три часа ночи, молчаливые машины, стоящие у её дома. Потом — угрозы тёте, ломаные замки, фотографии её учеников с перечёркнутыми лицами. Она думала, что он остановится, что его одержимость иссякнет. Но нет. Он только набирал обороты.

И вот сейчас он стоял перед ней в клубе, с той же улыбкой, которая когда-то казалась ей милой. Только теперь в ней сквозила сталь, и от этой улыбки у неё холодели пальцы.

Где-то вдали зазвучала музыка, и девушки снова вышли на сцену, не зная, что мир Эммы только что рухнул. А она стояла, одна, в этом море огней и фальшивых улыбок, и понимала: её рассвет всё ещё далёк. И чтобы его достичь, ей придётся пройти через самый тёмный час.

Она прикрыла глаза, и перед ними всплыло лицо Джейка — его улыбка, его руки, его голос, который шептал ей на рассвете: «Ты такая красивая». Слёзы душили её, но она не позволила им пролиться. Не здесь. Не сейчас.

— Лили, — позвала она подругу, почти не разжимая губ. — Мне нужно уйти. Сейчас.

— Что случилось? — испуганно спросила та.

— Ничего, — соврала Эмма, натягивая куртку на голые плечи. — Просто... устала.

Она вышла в ночь, где дождь хлестал по мокрому асфальту, и одиночество было таким густым, что его можно было резать ножом. Где-то в кармане лежала фотография, которая меняла всё. И она знала, что с этой минуты её прежняя жизнь стала невозможной.

Эпизод 3.

Она проснулась оттого, что кто-то целовал её плечо — легко, как прикосновение мотылька. Эмма улыбнулась, ещё не открывая глаз, и потянулась к нему, чувствуя, как его рука обнимает её за талию, притягивая ближе. Пахло солью и жасмином — тот самый запах, который она запомнит навсегда.

— Доброе утро, крошка, — прошептал Джейк, и его голос был хриплым со сна, но таким тёплым, что у неё защемило в груди. — Сегодня у нас особенный день. Я хочу показать тебе место, которое ты не забудешь никогда.

Она приоткрыла глаза — его лицо было совсем близко, освещённое золотым утренним светом, просачивающимся сквозь бамбуковые жалюзи. Он улыбался, и в его янтарных глазах плясали солнечные зайчики.

— Остров Гили Мено, — сказал он, словно читая её мысли. — Это совсем рядом. Там нет машин, нет суеты. Только белый песок, черепахи и небо, которое ночью становится таким, будто можно достать рукой до звёзд.

— Звучит как сон, — выдохнула она, и внутри разлилась такая нежность, что она прижалась к нему всем телом, пряча лицо в его груди.

— Это не сон, — он поцеловал её в макушку. — Это реальность. Наша реальность.

Через час они уже сидели в маленькой лодке, которая, подпрыгивая на волнах, несла их к горизонту. Океан переливался всеми оттенками бирюзы — от нежно-голубого до глубокого сапфирового. Ветер играл с её волосами, разбрасывая их по плечам, и Джейк смотрел на неё с такой теплотой, что она чувствовала себя самой красивой женщиной на свете.

— Ты замерзаешь? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, накинул на неё свою льняную рубашку. Она снова пахла им — морем, солнцем и чем-то неуловимо родным.

— Я в порядке, — улыбнулась она, кутаясь в рубашку. — Намного лучше, чем в порядке.

Остров появился внезапно — зелёный, как изумруд, окаймлённый белой пеной прибоя. Они сошли на берег, и песок был таким мягким, что ноги утопали в нём по щиколотку. Джейк взял её за руку, и они пошли вдоль воды, где волны оставляли на песке кружево из пены.

Они плавали с черепахами — огромными, медлительными, которые проплывали совсем близко, заглядывая в глаза своими спокойными глазами, как будто хотели сказать что-то важное. Эмма смеялась, когда одна из них коснулась её ноги, и Джейк смеялся вместе с ней, и этот смех был самым настоящим, без фальши, без масок.

Потом они сидели в маленьком кафе на берегу, пили коктейли из кокосовых орехов, и он рассказывал о своих путешествиях, а она смотрела на него и не могла поверить, что всё это происходит с ней — с учительницей из Портленда, которая привыкла только бороться и считать каждый цент.

— Ты знаешь, — сказал он, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в лиловый и золотой, — я никогда не думал, что смогу быть таким счастливым. Просто быть, не планировать, не просчитывать. Рядом с тобой я забываю о времени.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого она положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Она чувствовала, как его сердце бьётся ровно и спокойно, и её собственное сердце отвечало ему в унисон. В этот момент она перестала быть Эммой, беглянкой с графиком на стене. Она была просто женщиной, которую любят.

Вечер опустился на остров, как бархатное одеяло. На пляже зажгли большой костёр — там собралась небольшая компания туристов и местных музыкантов. Языки пламени плясали в такт музыке, которую кто-то играл на гитаре. Люди сидели вокруг, передавали друг другу кружки с вином и пели — простые, душевные песни, которые звучали на разных языках, но все понимали их сердцем.

Эмма и Джейк присоединились к ним. Он сел на песок, а она устроилась между его ног, прислонившись спиной к его груди. Его руки обнимали её, и она чувствовала, как он вдыхает запах её волос. Вокруг смеялись, пели, и кто-то подал ей гитару, чтобы она спела.

— Я не умею, — засмеялась она, но Джейк шепнул на ухо:

— Спой ту, что в твоей душе. Я хочу услышать.

И она запела. Негромко, немного робко, но в её голосе было столько чувства, что все вокруг замолчали. Она пела о том, что боится потерять, о том, что мечтает, о доме, который так далеко, и о любви, которая пришла неожиданно. Джейк не сводил с неё глаз, и в его взгляде было столько восхищения, что у неё кружилась голова.

Когда она закончила, все захлопали, но она смотрела только на него. Он взял её за руку, притянул к себе и поцеловал — мягко, благоговейно, как целуют икону.

Потом зазвучала медленная мелодия — саксофон и гитара, грустная и прекрасная. Это была её любимая песня, та, под которую она когда-то танцевала одна в своей пустой квартире, мечтая о ком-то, кто будет держать её за руки. Она не говорила ему, что это её любимая песня, но он вдруг прошептал:

— Это твоя песня, правда? Я вижу по твоим глазам.

— Откуда ты знаешь? — удивилась она.

— Ты смотришь на неё, как на старого друга, — улыбнулся он. — Иди сюда.

Он поднялся, протянул ей руку, и они вышли на песчаную площадку у костра. Свет пламени падал на них мягким золотым светом, и они начали танцевать. Не отрываясь друг от друга, медленно, как будто время остановилось и больше не имело значения. Его руки лежали на её пояснице, её пальцы перебирали волосы на его затылке. Они двигались в такт, сливаясь в едином ритме, как две волны, которые встретились и больше не хотят расставаться.

Она чувствовала тепло его кожи, слышала биение его сердца, ощущала, как его дыхание смешивается с её дыханием. Внутри неё разливалось что-то огромное, светлое, что не имело названия, но что она понимала без слов. Это было чувство дома, которое она искала всю жизнь. Это было чувство безопасности, которое она потеряла, когда ушли родители. Это было чувство, что она не одна, что есть человек, который примет её любой — с её тайнами, страхами, ложью и надеждами.

— Джейк, — прошептала она, уткнувшись носом в его шею, и её голос дрожал от счастья. — Я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

— Он никогда не закончится, милая, — ответил он, и его голос был таким же тихим и хриплым. — Я запомню его навсегда. Каждый миг. Каждое прикосновение.

Они танцевали, пока костёр не начал затухать, пока не погасли последние угли, и только звёзды над ними горели ярко, как тысячи свечей. Потом они легли на песок, глядя в небо, и она показывала ему созвездия, которые знала с детства. Она рассказывала о своей любимой

квартире, о книгах, о том, как мечтает когда-нибудь открыть танцевальную студию для детей. Она почти не лгала — только умалчивала о том, как зарабатывает деньги. И это умалчивание было её единственной защитой.

— Ты такая светлая, — сказал он, повернувшись к ней, и его глаза отражали звёзды. — Знаешь, когда я смотрю на тебя, я забываю, что был на войне. Я забываю, что мир жесток. Ты делаешь его лучше.

— Я не светлая, — тихо ответила она, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Я просто хочу быть такой. Рядом с тобой.

Он поцеловал её, и поцелуй был долгим, сладким, как мёд. И она знала, что этот день останется с ней навсегда. Даже когда она вернётся в свой серый Портленд, даже когда ей придётся снова бежать и прятаться, этот вечер у костра будет гореть в её душе, как тот самый огонь, который согревал их сейчас.

Утром они вернулись на Бали, держась за руки, и их сердца бились в унисон. Они не знали, что за ними наблюдают. Им казалось, что весь мир принадлежит им — океан, небо, ветер, остров. Им казалось, что счастье возможно. И это было самое опасное чувство — потому что оно делало удар Виктора ещё более сокрушительным, когда он нанесёт его через несколько дней.

...

Она спала. Но сон был не тёплым и ласковым, как объятия Джейка, — он пришёл липкий, тягучий, как смола. Сначала была только тьма — такая густая, что её можно было резать ножом. Она стояла босиком на холодном полу, и ноги покрывались мурашками. Где-то капала вода — ровно, монотонно, как секундомер, отсчитывающий последние минуты.

Эмма хотела сделать шаг, но ноги не слушались. Тело казалось чужим, налитым свинцом. Она попыталась крикнуть — но голос пропал, застрял в горле колючим комом. Только сердце билось где-то в висках, гулко, отчаянно, как птица о клетку.

И тогда она почувствовала запах. Тяжёлый, терпкий, до тошноты знакомый — запах дорогого одеколона, смешанного с потом и табаком. Запах Виктора. Он проникал в ноздри, заполнял лёгкие, оседал на коже липкой плёнкой. Она зажмурилась, пытаясь прогнать его, но он становился только сильнее, гуще, как будто кто-то стоял совсем рядом и дышал ей в затылок.

А потом она увидела тень. В дальнем конце комнаты, там, где тьма сгущалась в угол, стояла мужская фигура. Высокая, неподвижная, как статуя. Эмма не видела лица, но знала — это он. Он просто стоял и смотрел на неё, не двигаясь, не дыша. И в этом безмолвии было больше ужаса, чем в любом крике.

Она хотела побежать, но ноги приросли к полу. Хотела закричать, но губы онемели. Страх поднимался откуда-то из живота, разливался по груди, сдавливал горло, накрывал её, как тяжёлое влажное одеяло, из-под которого нельзя выбраться. Она чувствовала, как он проникает в каждую клеточку, как сворачивается внутри неё ледяным клубком. Ей казалось, что она задыхается, что воздух стал вязким, как патока.

Фигура в углу качнулась. Сделала шаг. Медленный, крадущийся, как у хищника, который знает, что жертва никуда не денется. И в этот момент Эмма поняла — он приближается, и когда он дойдёт до неё, случится что-то непоправимое.

Она рванулась, из последних сил, и...

...проснулась от пронзительного, злого трезвона будильника.

Сердце колотилось где-то в горле, лоб был влажным от пота, а в ушах всё ещё звучала та капающая вода. Она села на кровати, хватая ртом воздух, и комната медленно возвращалась к

ней — стопка тетрадей, пустая кружка, серый свет за окном. Но запах одеколona всё ещё витал в воздухе, призрачный, обманчивый. Или ей только казалось.

Голова раскалывалась так, будто внутри неё поселился маленький молотобоец. Каждый удар пульса отзывался в висках острой болью. Эмма застонала, растирая лицо ладонями. Тело было напряжено до предела, мышцы ныли, как после долгой бессонной ночи — хотя она спала. Сон, тот самый, был таким реальным, таким осязаемым, что она почти чувствовала на коже прикосновение чужого взгляда. «Это был просто сон, — сказала она себе, но голос в голове звучал неубедительно. — Просто сон. Виктор не может быть здесь. Он не проникнет в мои сны».

Но запах... запах остался.

Она с трудом поднялась, шатаясь, добралась до ванной и включила воду. Холодную. На полную. Струи ударили по телу, обжигая ледяным шоком, вырывая из остатков кошмара. Она стояла под ними, дрожа, обхватив себя руками, и смотрела, как вода стекает по кафелю, унося с собой липкий страх. Голова понемногу отпускала, боль отступала, но внутри остался осадок — тяжёлый, как свинец.

Она выключила воду, закуталась в полотенце и подошла к зеркалу. Оттуда смотрела бледная женщина с кругами под глазами и испуганным взглядом. — Ты в порядке, — прошептала она своему отражению. — Ты в порядке. Это был просто сон.

Но отражение молчало, и в его глазах застыл тот самый страх, который она пыталась прогнать.

Через час она уже стояла в маленькой кофейне на углу, забирая свой обычный чёрный кофе без сахара. Утро было прохладным, но солнечным — редкая удача для Портленда. Она уже почти вышла, как вдруг, открывая дверь, задела плечом мужчину, который входил внутрь. Она обернулась, чтобы извиниться, и сердце пропустило удар.

Тёмные волосы. Широкие плечи. Высокий рост. Та же линия челюсти, тот же разворот головы.

— Простите, — выдохнула она, и голос её дрогнул. — Я не...

Но мужчина обернулся, и она увидела его лицо. Нет. Это был не он. Глаза — другие, серые, холодные, без той янтарной теплоты, которая снилась ей каждую ночь. Нос — чуть более тонкий. Губы — сжатые в вежливой улыбке, но без той мягкой улыбки Джейка. Просто похожий. Очень похожий. Но не он.

— Всё в порядке, — сказал мужчина, и его голос был чуть выше, суше. Он кивнул и прошёл мимо.

А она осталась стоять, прижимая к груди стаканчик с кофе, и чувствовала, как внутри всё обрывается и собирается заново. «Это не он, — повторяла она, как мантру. — Это не он. Ты просто помешалась. Ты видишь его повсюду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.